

Эта коммунальная жизнь

Куранты. — 1995. — 10 февр. — с. 12.

Биография его для застойных лет типична. Учился во ВГИКе на режиссерском, однако на третьем курсе с институтом расстался. Не по своей воле. Начальство сочло, что Виталий Манский

не соответствует сложившемуся типу советского студента: лекции посещает лишь те, которые, по его мнению, того заслуживают, в армии служить отказывается, ссылаясь на пацифистские убеждения...

А дальше, как водится, карьера грузчика, которую прервала перестройка. Тогда нашлись добрые люди, предложили работу на студии Ростова-на-Дону. Там Манский снял документальные ленты "Финиш" и "Бумеранг" — о войне в Афганистане. Вскоре его приняли в Союз кинематографистов. Сейчас он — автор семнадцати документальных фильмов, которые широкой публике, увы, неизвестны, хотя завоевали множество призов на международных фестивалях. Исключение составляет разве что фильм "Тело Ленина", показанный по ТВ. И это обидно: фильмы Манского остры, публицистичны, актуальны.

Виталий, почему такая приверженность к "горячим" темам? Считаете, что документальное кино всегда должно быть актуально?

— Просто оно — о нашей жизни. То же "Тело Ленина" — своего рода зеркало, в котором отражена наша нравственность. Сам я как личность тут присутствую в наименьшей степени. Зато охвачен круг людей, причастных к этой нашей великой глупости: от тех, кто непосредственно заняты сохранением ленинской мумии, до предпринимателя, мечтающего устраивать мировые турне с "телом", а на вырученные деньги помогать голодным. Есть и коммунисты, хотя слова им не дали: они лишь участвуют в финальных похоронах Ленина — условных, конечно. Вообще таких людей мне жаль, среди них немало жертв системы. Сужу об этом по своей бабушке, коммунистке с пятидесятилетним стажем... Но не все, конечно, — взять хоть письма, которые получал после демонстрации этой картины. Там были обещания разобраться со мной, было и кое-что покруче: "Прав был Гитлер, что сжигал вас в печах, но ничего, печи еще стоят, вот придем к власти..."

Но это и понятно. Я всегда делаю фильмы о том, что меня волнует, хоть это и банально звучит. Иначе просто не смог бы работать. Чтобы снять фильм "Карабах", три месяца там прожил зимой девяностого, во время бакинских событий. Уйму времени затратил на "Срезки очередной войны" — коллаж из хроники разных войн, в котором само это занятие предстает как некий извращенный половой акт, который никому не приносит удовлетворения. И еще для меня военные фильмы — о том, что все мы равны перед смертью. Чем старше становятся мои дети, тем чаще я об этом думаю.

Вы сняли два биографических фильма — "Руцкой" и "Имперские сны" о Жириновском. Как вы относитесь к этим людям?

— Думаю, если бы "Имперские сны" удалось показать перед декабрьскими выборами, на избирательные участки пришло бы значительно больше людей: картина помогла бы им определиться в своих пристрастиях. Хотя фильм объективен, может, поэтому Владимир Вольфович его и не любит, предпочитая откровенные разоблачения, — это

же реклама! Яркий свет для многих, как известно, страшнее всего. Но моя картина — не только о Жириновском. Она начинается с показа обычных людей — тех, что ходят с нами по улицам, ездят в общественном транспорте, с кадров, снятых в госпитале инвалидов войны... И вдруг, как шарик из рулетки, в нее врывается Жириновский, который умело жонглирует самыми большими ранами общества.

К Руцкому у меня отношение более сложное. Ему, кстати, фильм понравился. Снимал я в течение двадцати дней после выхода Руцкой из "Лефортова". Согласие получил, наверное, потому, что я — зануда: со мной проще иметь дело, чем отказывать. Руцкой — хороший исполнитель и порядочный мужик, этого не отрицашь. Хотя мы с ним много спорили и я не скрывал, что, если Руцкой придет к власти, я тут же махну в "Шереметьево"... Несмотря на это, тот, когда выпивали после премьеры, пообещал, коль станет президентом, шубу с барского плеча. Так что всякое бывает.

— 24 февраля в Центральном Доме художника состоится премьера вашего фильма "Этюды о любви", рассказывающего о жизни одной коммуналки. Как вы на нее вышли?

— В этом коридоре мне с семьей приходилось скрываться в худшие годы своей жизни от всяческих неприятностей советской действительности. Так что многих знал, а с кем-то знакомился позже. Это дом 9-а, строение 7, по бывшей улице Горького, который скрывается во дворе между мэрией и Центральным телеграфом. Хотел показать некий замкнутый мир, людей, которые поглощены только своими заботами, ничего не знают о соседях, кроме как на уровне слухов и мифов, не могут представить, что в их коридоре может вдруг объявиться кто-то из-за границы. Снимать мы начали в девяностом году, и, скажем, танки, которые в

одном из кадров движутся по улице Горького, — репетиция последнего парада на Красной площади. Но мы-то не знали, что он — последний, просто снимали, чувствуя некую опасность, повисшую в воздухе.

А потом рядом началось строительство "Макдоналдса", и мы сняли вторую серию с теми же героями-стариками из тех, кто остался жив, конечно. Просто увидели, что происходит со страной, и ощутили, как мало наши жизни для нее значат. Захотелось рассказать, как, отказываясь от закрытости советской жизни, мы стали глупо открываться и всем народом встали в очередь к заморским яствам. Следом сделали третью серию — уже о новых временах, о людях, живущих по соседству, в элитном доме номер 9 по той же улице Горького, а среди них — и Иосиф Кобзон, и Вячеслав Гордеев, и Александр Панкратов-Черный, и Олег Ефремов, и семьи представителей советской руководящей элиты...

Конечно, я всех людей в своих картинах стараюсь любить, но не получается относиться ко всем одинаково, и в фильме это чувствуется. Думаю, что дальше этот сериал продолжится: каждый человек, кто участвует в этой картине как герой или как фон, может стать поводырем к следующей серии. Планируем, например, снять очередную часть в глухой деревне, откуда родом проживающий в доме сторож на лебедином пруду. А потом отправиться на съемки в Швейцарию с технокосмотрителем Ритой, которая привечала на куче праздничных флагов в служебном помещении подруг с иностранцами, а потом и сама родила от швейцарца сына Андрюшу. Еще хотел бы сделать фильмы о нескольких людях, и прежде всего — о Сергее Адамовиче Ковалеве. Дело за деньгами: снимать приходится на свои. А параллельно организую Всероссийский фестиваль любительских фильмов "Семейное кино". Хочу собрать по всей России все, что снимали люди о своей семье с пятидесятых по девяностые годы...